

только часть его, внеся лишь изменения в связи с переменной адресата, и столь же механически отбросил его начало, как полагал А. Д. Седельников, или он переработал его в «Предисловие Летописца княжения Тферскаго», как полагал А. А. Шахматов? Ни то, ни другое. Имел ли этот составитель перед собой вполне исправный текст первичного Предисловия — без «не» при «насладихся» (см. стр. 131) — или уже испорченный по непониманию этой вставки, но он, в отличие от переписчиков Н4Л, разобрался в смысле сказанного составителем первичного Предисловия (либо заметил также получающееся от вставки «не» противоречие) и вполне сознательно вставил в свой текст это «не». Сознательно, так как он вообще последовательно провел в своем тексте более стандартную формулу авторского самоуменьшения. Он убрал всю первую часть Предисловия, где были указания на то, что пришелец сам видел город. Заменял «не могу инем исповедати» на «не могу [о] реченнем поведати». ⁶³ По первоначальному замыслу очевидец только другим не может выразить то, что сам знает и видел, здесь же получилось, что автор вообще не может рассказать то, чего он не видел и не знает. В целом у него получилось так: «Мудраа основания твердости и крепости стен... разум же не придет ни ко единому ухищрению». Потому («да тем») «не могу [о] реченнем поведати», что («ибо») «сам аз не насладихся тоя неизреченныя красоты, якоже и се в той подобныя вещи». ⁶⁴ Смысл получился такой: бывает так, что есть прекрасные вещи, но ничего о них не можешь сказать, если сам их не видел, так же и я ничего не могу сказать о Михаиле. Составитель, работавший по заказу Бориса Александровича, писал гораздо позже автора первичного Предисловия, он действительно не мог видеть Михаила, поэтому он сознательно разрушил сравнение автор—пришелец.

Как видим, когда составителю времени Бориса это было нужно, он довольно радикально и достаточно последовательно перерабатывал свой источник. Следовательно, третью часть первичного Предисловия и сравнение Михаил—город он сохранил тоже сознательно. Они понадобились ему, как и автору первичного Предисловия, для прославления Михаила. Значит, новое Предисловие, которое он делал, должно было открывать собой произведение, посвященное прославлению именно Михаила, а не трех великих князей тверских и не всего рода тверских князей.

Содержание же четвертой части Предисловия, написанной им самостоятельно, как мы уже видели ранее, подтверждает (авторская житийная программа), что новое Предисловие писалось им для «Повести о житии Михаила» и непосредственно предваряло собой ее текст («о нем же и слово начахомь»; см. стр. 127). Дополнить переработку старого Предисловия четвертой частью ему понадобилось для того, чтобы показать высокое происхождение Михаила и высокое положение его отца и тем самым уже здесь начать рисовать образ «сироты-изгнанника, наследника властителя всей Русской земли». Итак, и у Предисловия, и у самой «Повести» Тверского сборника имеются общие черты, они неразрывно связаны друг с другом. Предисловие предназначалось для этой «Повести». А. А. Шахматов был неправ: никакой переделки первичного Предисловия в «Предисловие Летописца княжения Тферскаго» составитель данного текста Тверского сборника не производил, и Борис ему этого и не заказывал, он заказывал «Повесть о Михаиле».

Подведем первый итог. Ни в пределах текста, занимаемого в Тверском сборнике Предисловием к «Повести», ни в пределах текста, занимаемого

⁶³ ПСРЛ, т. XV, столб. 463.

⁶⁴ ПСРЛ, т. XV, столб. 463.